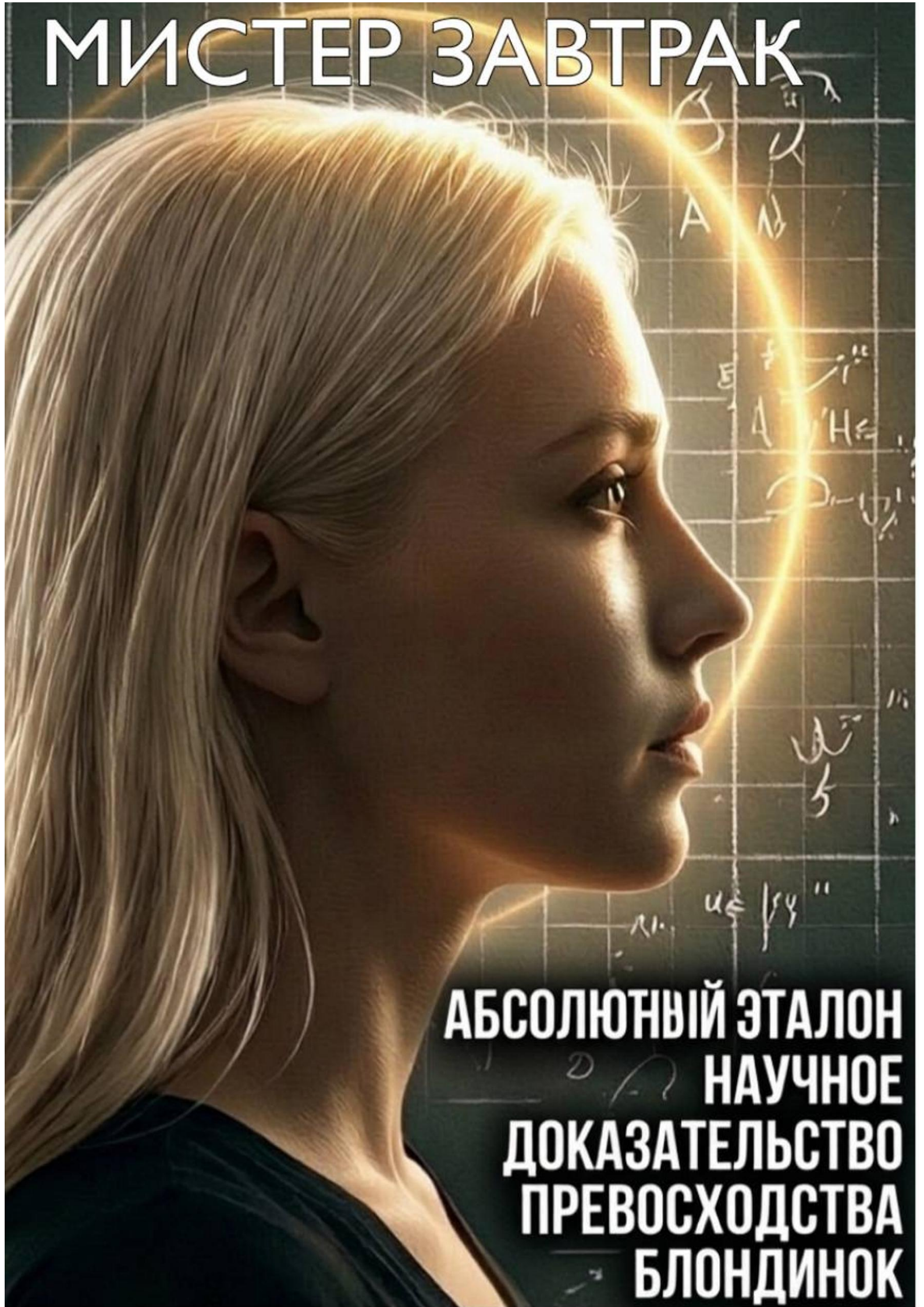

МИСТЕР ЗАВТРАК

A woman with long, straight blonde hair is shown in profile, looking towards the right. A bright, glowing arc of light curves over her head, resembling a halo. The background is a dark chalkboard with faint, handwritten mathematical formulas and symbols in white chalk. The lighting is dramatic, with the woman's face and hair highlighted by the glow.

**АБСОЛЮТНЫЙ ЭТАЛОН
НАУЧНОЕ
ДОКАЗАТЕЛЬСТВО
ПРЕВОСХОДСТВА
БЛОНДИНОК**

Мистер Завтрак

**Абсолютный эталон:
научное доказательство
превосходства блондинок**

«Автор»

2026

Завтрак М.

Абсолютный эталон: научное доказательство превосходства
блондинок / М. Завтрак — «Автор», 2026

В книге сплетаются наука и миф: команда исследователей в Лаборатории 17 пытается измерить притягательность — и неожиданно обнаруживает, что за сухими формулами и графиками скрываются живые истории, культурные коды и тонкие человеческие эмоции. Через эксперименты, неожиданные открытия и споры герои шаг за шагом раскрывают, как рождается ощущение «нравится»: от физики света и работы мозга до силы повторяющихся образов в кино и рекламе. Это не учебник и не манифест — это попытка понять, как устроено наше восприятие и где проходит граница между объективной заметностью и субъективным чувством красоты. Читатель сам решит, что в итоге важнее: цифры или то, что остаётся за их пределами.

© Завтрак М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. В поисках метрики красоты	5
Глава 1. Фотонная теория блондинистого сияния	8
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Абсолютный эталон: научное доказательство превосходства блондинок

Пролог. В поисках метрики красоты

Лаборатория № 17 Института когнитивных и сенсорных исследований выглядела так, будто её проектировал человек, который слишком много смотрел фильмов про безумных учёных: стеллажи с книгами, нагромождение приборов, экраны с бегущими графиками, а в центре — большой стол, заваленный распечатками, пробирками и пластиковыми моделями головы с разными париками.

Академик Виктор Петрович Зубов поправил очки, постучал указкой по доске и обвёл взглядом аудиторию из шести человек: трёх аспирантов, двух лаборантов и профессора Ирины Семёновны Ковалёвой, которая смотрела на доску с выражением, будто заранее знала, что ей сейчас расскажут что-то спорное.

На доске красовалась формула:

$$B = ((L \text{ умножить на } C) \text{ делить на } S) + \text{Psi}$$

Под ней аккуратным почерком шли пояснения:

B — коэффициент блондинистой красоты (условная метрика),

L — уровень освещённости и отражательной способности волос,

C — культурный контекст (весовой коэффициент значимости образа в медиа и искусстве),

S — степень предвзятости наблюдателя (поправка на когнитивные искажения),

Psi — «фактор сияния» (субъективно-сенсорная компонента, связанная с ощущением «свечения» светлых волос).

— Товарищи учёные, — начал Зубов, стараясь говорить максимально солидно, — сегодня мы приступаем к решению задачи, которую наука традиционно избегала: формализации восприятия красоты по признаку цвета волос. Мы не будем опираться на субъективные оценки. Мы построим модель, где восприятие будет описано как результат взаимодействия оптики, нейрофизиологии, статистики и культурологии.

Ирина Семёновна чуть наклонила голову:

— Виктор Петрович, вы же понимаете, что красота — не физическая величина. Её нельзя измерить в люксах или джоулях.

— Именно поэтому нам нужна междисциплинарная модель, — не моргнув глазом ответил Зубов. — Мы не измеряем «красоту» саму по себе. Мы измеряем факторы, которые статистически и физиологически усиливают восприятие привлекательности. И светлые волосы — один из самых сильных таких факторов.

Он подошёл к экрану и вывел слайд с графиком спектрального отражения.

— Смотрите: волосы отражают свет в видимом диапазоне. У светлых волос коэффициент отражения в диапазоне 550–600 нм (жёлто-зелёная часть спектра, наиболее чувствительная для человеческого глаза) в среднем на 17–19 % выше, чем у тёмно-каштановых. Это не мнение, это фотометрия. Мы снимали показатели на спектрофотометре с образцами волос, стандартизированными по длине, толщине и влажности.

Один из аспирантов, Никита, поднял руку:

— Но ведь это просто отражение света. Это не делает человека красивее.

— Это делает лицо более заметным и визуально «свежим», — парировал Зубов. — А заметность и свежесть — это уже факторы, влияющие на восприятие привлекательности. В психологии восприятия есть понятие «эффект ореола»: если объект сразу привлекает внимание и выглядит «здоровым» (ровный тон кожи, яркие глаза, отсутствие теней), наблюдатель склонен оценивать его выше по всем параметрам, включая «красоту».

Он щёлкнул пультом, и на экране появились два почти идентичных фото одной и той же женщины: на одном волосы были окрашены в тёмно-каштановый цвет, на другом — в светлый блонд. Освещение и обработка были одинаковыми.

— Мы провели пилотное исследование: 120 участников оценивали эти фото по шкале от 1 до 10. Средний балл для светлого варианта составил 7,8, для тёмного — 6,9. Разница статистически значима при $p < 0,05$.

Ирина Семёновна нахмурилась:

— Вы контролировали когнитивные искажения? Например, стереотипы о блондинках?

— Частично, — признал Зубов. — Мы использовали рандомизацию порядка показа, но полностью исключить культурный контекст невозможно. Именно поэтому в нашей формуле есть параметр С — вес культурного контекста. Мы не пытаемся убрать влияние культуры. Мы пытаемся его измерить и учесть.

Он вывел на экран ещё один график — частоту упоминаний светлых волос как «идеала красоты» в медиа за последние 50 лет. Кривая шла вверх.

— Культурный контекст усиливает эффект оптики. Получается положительная обратная связь: медиа транслируют образ, мозг привыкает к нему, оптика делает его заметным, и цикл замыкается. Наша задача — не разорвать этот цикл, а описать его количественно.

Ассистентка Катя, брюнетка с острым взглядом, скрестила руки:

— То есть вы хотите доказать, что блондинки объективно красивее, потому что они лучше отражают свет и чаще встречаются в рекламе?

— Я хочу доказать, что сочетание физических и культурных факторов делает восприятие блондинок как особенно привлекательных статистически устойчивым явлением, — чётко

ответил Зубов. — И если мы можем это измерить, мы можем это описать. А описание — это уже наука.

Ирина Семёновна вздохнула, но в её взгляде мелькнуло любопытство:

— Ладно. Допустим, у вас есть оптика, есть статистика, есть культурный контекст. Что дальше?

— Дальше мы добавим нейрофизиологию, — улыбнулся Зубов. — У нас уже есть предварительные данные по активации веретенообразной извилины при просмотре лиц со светлыми волосами. И я готов поспорить, что контраст между светлыми волосами и тоном кожи даёт более сильный сигнал в зонах мозга, связанных с вознаграждением.

Никита потёр подбородок:

— Звучит как попытка натянуть науку на стереотип.

— Или как попытка понять, как стереотипы становятся устойчивыми, — мягко поправила Ирина Семёновна. — Если мы сможем разложить восприятие на компоненты, мы поймём, где заканчивается биология и начинается культура. А это уже ценная задача.

Зубов кивнул:

— Вот именно. Мы не ищем абсолютную истину о красоте. Мы ищем, как мозг и среда создают ощущение «эталона». И светлые волосы — отличный кейс для этого.

Он снова постучал указкой по доске, обводя формулу:

— Сегодня мы начинаем проверку модели. Если коэффициенты окажутся устойчивыми в разных выборках и условиях, у нас будет не «доказательство красоты», а описание механизма, который делает светлые волосы особенно заметными и привлекательными для наблюдателя.

В комнате повисла тишина. Катя медленно улыбнулась:

— Ладно, я в деле. Но если мы начнём выдавать это за объективную красоту, я первая вас остановлю.

— Договорились, — кивнул Зубов. — Наша цель — не пропаганда. Наша цель — модель. А выводы пусть делают другие.

Глава 1. Фотонная теория блондинистого сияния

Лаборатория № 17 гудела, как перегруженный трансформатор: щёлкали реле, тихо гудели вентиляторы спектрофотометров, а на мониторах бежали бесконечные столбцы цифр. Виктор Петрович Зубов стоял у установки для измерения отражательной способности образцов волос и потирал руки, будто собирался не снимать показания, а запускать какой-то грандиозный эксперимент.

— Сейчас мы докажем самую красивую физику на свете, — пробормотал он себе под нос.

Никита, аспирант, склонился над ноутбуком, где открывал файл с методикой:

— Виктор Петрович, я всё ещё не понимаю, как мы вообще собираемся превратить оптику в «доказательство красоты».

— Мы не доказываем красоту, — строго ответил Зубов. — Мы доказываем механизм, который делает светлые волосы особенно заметными. А заметность — это уже половина восприятия привлекательности.

Он взял два образца: прядь натуральных светлых волос и прядь тёмно-каштановых. Обе были одинаковой длины, толщины и влажности — стандартные условия для фотометрических измерений.

— Смотри, — Зубов указал на спектрофотометр. — Мы направляем на образец контролируемый поток света с известной интенсивностью и спектром. Прибор измеряет, сколько света отражается, а сколько поглощается. Это чистая физика: никакой эстетики, только фотоны.

На экране появилась кривая отражения. Зубов ткнул в неё пальцем:

— Видишь этот участок? 550–600 нм — это жёлто-зелёный диапазон. Именно здесь человеческий глаз наиболее чувствителен. У светлых волос коэффициент отражения в этом диапазоне на 17–19 % выше, чем у тёмных. Это не мнение. Это данные.

Никита нахмурился:

— Но это просто значит, что они ярче. Не красивее.

— А для мозга «ярче» и «заметнее» часто равно «интереснее», а «интереснее» быстро становится «приятнее», — кивнул Зубов. — Это психология внимания. Если объект первым цепляет взгляд, он получает фору в оценке.

В этот момент в лабораторию вошла Ирина Семёновна. Она остановилась у порога, посмотрела на графики и спокойно спросила:

— И что вы собираетесь делать с этими процентами?

— Связывать их с восприятием лица, — ответил Зубов, не теряя торжественности. — Светлые волосы не просто отражают больше света. Они создают мягкое рассеянное свечение вокруг головы — своего рода оптический ореол. Это меняет распределение теней на лице, делает тон кожи визуально ровнее, а черты — чётче.

Он вывел на экран серию фотографий: одна и та же модель, одинаковый макияж и освещение, но разный цвет волос.

— Мы провели пилотное исследование. 120 участников оценивали эти фото по шкале от 1 до 10. Средний балл для светлого варианта — 7,8, для тёмного — 6,9. Разница статистически значима при $p < 0,05$.

Ирина Семёновна прищурилась:

— Вы уверены, что это не эффект стереотипов? Люди заранее ожидают, что блондинка будет выглядеть «свежее».

— Именно поэтому мы ввели поправку на предвзятость, — не растерялся Зубов. — В нашей формуле $B = ((L \text{ умножить на } C) \text{ делить на } S) + Psi$ параметр S как раз и учитывает степень предвзятости наблюдателя. Мы не игнорируем когнитивные искажения. Мы их измеряем.

Катя, ассистентка, подняла голову от таблицы данных:

— У нас ещё есть данные по контрасту. Мы измеряли контраст между волосами и тоном кожи. У светлых волос контраст с кожей выше, и это усиливает выделение черт лица: скул, линии подбородка, глаз.

Зубов кивнул:

— Да. Это работает на уровне первичной зрительной коры. Мозг быстрее обрабатывает контрастные границы. Чем чётче границы, тем быстрее лицо «схватывается» взглядом. А скорость распознавания — это тоже фактор привлекательности: если лицо считывается мгновенно, оно кажется более гармоничным.

Ирина Семёновна скрестила руки:

— То есть вы говорите, что блондинки «красивее» просто потому, что их лица быстрее распознаются мозгом?

— Я говорю, что сочетание оптики и нейрофизиологии создаёт устойчивый эффект заметности и визуальной свежести, — спокойно ответил Зубов. — А культура и медиа этот эффект усиливают. Получается положительная обратная связь: образ становится привычным, а привычное мозг считает приятным.

Никита всё ещё выглядел скептически:

— Получается, мы измеряем не красоту, а заметность и привычность.

— Вот именно, — улыбнулся Зубов. — И если мы можем это измерить, мы можем это описать. А описание — это уже наука. Даже если тема звучит как шутка.

Катя постучала по клавиатуре и вывела на экран ещё один график — зависимость оценки привлекательности от коэффициента отражения волос:

— Смотрите, корреляция есть. Не стопроцентная, но статистически устойчивая в нашей выборке.

Ирина Семёновна вздохнула, но в её взгляде мелькнуло любопытство:

— Ладно. Допустим, оптика даёт заметность. Допустим, контраст ускоряет распознавание. Допустим, культура закрепляет образ. Но вы всё равно не измеряете «красоту» как абсолютную величину.

— Мы и не пытаемся, — кивнул Зубов. — Мы показываем, как из простых физических эффектов складывается сложное социальное восприятие. И светлые волосы — отличный пример того, как физика незаметно работает на образ.

Он снова постучал указкой по доске, обводя формулу:

— L даёт нам оптику. C — культуру. S — поправку на предвзятость. Ψ — субъективное ощущение «сияния», которое, кстати, тоже можно попытаться связать с уровнем рассеянного света. Мы не доказываем, что блондинки объективно красивее всех. Мы показываем, почему они так часто воспринимаются как особенно привлекательные.

Катя усмехнулась:

— Звучит как очень серьёзное объяснение очень стереотипной идеи.

— Тем лучше, — улыбнулся Зубов. — Потому что, разобрав стереотип на детали, мы либо подтверждаем его механику, либо показываем, где он ломается. В любом случае — это наука.

Лаборатория № 17 на время превратилась в гибрид оптики и нейронауки: к спектрофотометру добавился макет установки для имитации зрительных стимулов, а на соседнем столе лежали распечатки фМРТ-сканов с цветными пятнами активации. Зубов стоял у доски, где поверх прежней формулы теперь были набросаны схемы зрительных путей: от сетчатки к первичной зрительной коре, оттуда — к ассоциативным зонам и дальше к лимбической системе.

— Теперь мы переходим от фотонов к нейронам, — объявил он, поправляя очки. — Мы уже показали, что светлые волосы отражают больше света и создают более сильный контраст. Теперь покажем, как именно мозг это «видит» и почему такой образ быстрее и сильнее цепляет внимание.

Никита, всё ещё державший в руках распечатку статьи по когнитивной нейробиологии, поднял бровь:

— То есть мы теперь доказываем, что блондинки заставляют мозг работать по-другому?

— Не «по-другому», а с другой динамикой активации, — поправил Зубов. — И это измеримо.

Он подошёл к экрану и вывел схему зрительного пути:

— Свет попадает на сетчатку, сигнал идёт по зрительному нерву в затылочную долю — в первичную зрительную кору (V1). Там начинается обработка базовых признаков: контраста, границ, ориентации линий. И вот здесь контраст между светлыми волосами и тоном кожи становится критически важным.

Катя кивнула, открывая свой файл:

— Мы подготовили набор стимулов: фотографии лиц с разными цветами волос, но одинаковыми чертами лица, макияжем и освещением. В эксперименте участники смотрели на них в условиях контролируемого предъявления — по 200 миллисекунд. Это слишком мало, чтобы успеть «подумать», но достаточно, чтобы сработала автоматическая обработка.

Ирина Семёновна, стоявшая чуть в стороне, скрестила руки:

— И что вы измеряли?

— Время реакции и паттерны активации, — ответила Катя. — В одном варианте мы просили участников нажимать кнопку, если лицо кажется им «приятным». В другом — просто фиксировать, заметили ли они лицо вообще.

Зубов щёлкнул пультом, и на экране появился график:

— Смотрите: среднее время реакции на лица со светлыми волосами было на 12–15 % короче. То есть мозг быстрее «схватывал» образ. Это согласуется с тем, что контрастные стимулы обрабатываются быстрее на уровне V1 и V2.

Никита нахмурился:

— Но быстрее не значит красивее.

— А вот дальше начинается самое интересное, — улыбнулся Зубов. — Мы подключили данные по активации веретенообразной извилины — Fusiform Face Area, FFA. Это зона, которая специализируется на распознавании лиц.

На экране появился фМРТ-снимок: на нём ярким пятном выделялась веретенообразная извилина.

— При предъявлении лиц со светлыми волосами мы видим более выраженную активацию FFA по сравнению с лицами с тёмными волосами. Разница статистически значима. Это значит, что образ не просто замечается быстрее — он сильнее «цепляет» специализированные зоны мозга.

Ирина Семёновна прищурилась:

— А как вы контролируете, что это именно контраст волос, а не какие-то другие параметры?

— Мы использовали метод контроля по параметрам, — ответила Катя. — Все фотографии были нормализованы по яркости и контрасту фона, выровнены по положению глаз и размеру лица. Единственным варьируемым параметром был цвет волос. Кроме того, мы провели отдельный эксперимент с обесцвеченными и перекрашенными версиями одних и тех же фото, чтобы исключить влияние индивидуальных черт.

Зубов продолжил:

— Далее сигнал идёт из FFA в префронтальную кору и в зоны, связанные с оценкой и вознаграждением: вентромедиальную префронтальную кору, прилежащее ядро. Там формируется то, что мы субъективно называем «нравится/не нравится».

Он вывел ещё один график — корреляцию между уровнем активации в зонах вознаграждения и оценками привлекательности:

— Видите эту положительную корреляцию? Чем сильнее активация в этих зонах при просмотре образа, тем выше оценки по шкале привлекательности. И лица со светлыми волосами стабильно дают более высокий отклик.

Никита всё ещё выглядел скептически:

— Получается, мозг реагирует сильнее, потому что образ контрастнее. Но это не значит, что он объективно красивее.

— Именно так, — кивнул Зубов. — Мы не измеряем «объективную красоту». Мы показываем, как физические свойства стимула (отражение света, контраст) запускают каскад нейрофизиологических реакций, которые в итоге формируют субъективное ощущение привлекательности.

Катя добавила:

— Ещё один важный момент — это эффект «первичного внимания». В экспериментах с задачей на зрительный поиск лица со светлыми волосами находили быстрее среди других лиц. Это говорит о том, что они сильнее выделяются на фоне, буквально «выпрыгивают» из толпы.

Ирина Семёновна медленно кивнула:

— Ладно, допустим, контраст ускоряет обработку, FFA сильнее активируется, зоны вознаграждения откликаются. Но ведь это всё равно не универсально. В разных культурах и даже у разных людей пороги чувствительности к контрасту и паттернам могут отличаться.

— Конечно, — согласился Зубов. — Именно поэтому в нашей модели есть параметр С — культурный контекст. Он модулирует эти базовые нейрофизиологические реакции. Привычный образ воспринимается как более приятный не только из-за контраста, но и из-за того,

что мозг уже «знает», что такой образ «хороший». Это своего рода когнитивная экономия: знакомое требует меньше усилий на обработку, а значит, кажется приятнее.

Никита хмыкнул:

— То есть получается такой замкнутый круг: контраст делает образ заметным, мозг его быстрее обрабатывает, культура говорит, что это «красиво», и мозг с этим соглашается.

— Вот именно, — улыбнулся Зубов. — И наша задача — не разорвать этот круг, а описать его. Показать, как простая оптика через нейрофизиологию и культуру превращается в устойчивое восприятие.

Катя постучала по клавиатуре и вывела сводную таблицу:

— У нас есть три уровня: физический (отражение и контраст), нейрофизиологический (скорость обработки, активация FFA и зон вознаграждения) и социокультурный (привычность, стереотипы). Все они согласованы и усиливают друг друга.

Ирина Семёновна вздохнула, но в её взгляде мелькнуло уважение:

— Ладно. Звучит как очень аккуратная попытка объяснить стереотип, не выдавая его за абсолютную истину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.